

ской обиходъ. Добротолюбіе читается очень широко. Начинають знакомиться съ Христіанствомъ, съ Христомъ не по Евангелію, а по Добротолюбію. Нужно учесть во взаимной связи эти два характерныхъ явленія современной религіозной жизни — упадокъ Евангелія и возвышеніе Добротолюбія. Это и есть наиболѣе чистое выраженіе антигуманизма. Наше Студ. Хр. Движеніе родилось изъ изученія Евангелія и несло Евангеліе міру, но поэтому оно и «несовременно». Здѣсь причина холодка со стороны нѣкоторыхъ церковныхъ круговъ къ Движенію и, можетъ быть, неудачи евангельскихъ кружковъ. Люди большого духовнаго опыта и глубины заявляютъ иногда, что Евангеліе — нѣчто мало глубокое и не интересное, что содержаніе евангельской проповѣди такъ элементарно, что и изучать здѣсь нечего; иное дѣло — Добротолюбіе. Существенное въ Евангеліи — не ученіе Христова, такъ какъ въ Евангеліи оно дано еще въ простѣйшей, не раскрытой формѣ, а только Божественная Личность Христа, живущая въ Церкви. Аскетическая литература, включая въ себя все существенное въ Евангеліи, даетъ подлинное, глубокое ученіе Христа, а не ту дѣтскую пищу, молоко словесное, что дано въ Евангеліи. Такое отношеніе къ Евангелію,

конечно, не проходитъ даромъ: оно порождаетъ потускнѣніе лика Христова.

Можно утверждать, что въ русскомъ православіи, какъ нигдѣ, былъ запечатлѣнъ ликъ Христовъ, особенно въ первыя времена Христіанства на Руси. Но въ послѣднія десятилѣтія Ликъ Христовъ въ русскомъ православіи тускнѣетъ, и это потускнѣніе по времени совпадаетъ съ современнымъ намъ православно-церковнымъ возрожденіемъ. Все живетъ — богословская литература, аскетическая жизнь, мистика, но только не опытъ созерцанія Лица Христова. Богочеловѣческая Личность, которая должна была бы все связывать воедино, исчезаетъ изъ опыта православно-церковнаго возрожденія. Появились цѣлыя богословскія системы, гдѣ нѣтъ ни одной главы, посвященной Христу и искупленію. Прямымъ послѣдствіемъ этого является для многихъ невозможность и бессмысленность построенія христіанской жизни въ міру. Какъ будто, для современнаго церковнаго возрожденія есть одинъ путь, показавшій, оправдавшій себя — путь монашества, отрыва отъ міра. На немъ возможны срывы, гибель, но онъ — единственный путь истиннаго спасенія; внѣ этого пути все представляется неяснымъ, сомнительнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отцы и дѣти въ русской эмиграціи

Проблема отцовъ и дѣтей всегда была жгучей проблемой, такъ какъ она связана съ процессомъ творчества жизни. Творческое развитіе жизни предполагаетъ наличие извѣстнаго наслѣдія, накопленнаго достоянія, которое усваивается и по-новому раскрывается и оформляется вступающимъ въ жизнь поколѣніемъ: отношеніе, въ которомъ находится молодое поколѣніе къ старшему, поэтому имѣетъ суще-

ственнѣйшее значеніе. Только въ томъ случаѣ, если между отцами и дѣтьми царитъ внутренняя духовная гармонія, взаимное пониманіе и сотрудничество, осуществляется законъ преемственности, и творческіе порывы молодежи оказываются подлинно созидательными, несутъ преобразование того, что было несовершеннымъ, открываютъ новое, еще неизвѣстное отцамъ.

Для насъ, русскихъ эмигрантовъ, проблема отцовъ и дѣтей пріобрѣтаетъ исключительную напряженность въ силу того огромнаго заданія, которое выпало на долю русской эмиграціи. Какъ бы мы ни относились къ своему положенію эмигрантовъ, какъ бы различно его ни понимали, — независимо отъ этого, каждый изъ насъ своей жизнью и личностью неизбѣжно или роняетъ имя Россіи, или прославляетъ, возвеличиваетъ его. Господь далъ намъ отвѣтственное призваніе быть свидѣтелями о Россіи въ томъ лучшемъ, что было и есть у нея — вѣрѣ православной, правдѣ Христовой, русской культурѣ.

И къ каждому изъ насъ неизмѣнно обращенъ ея вопросъ: «Какъ живешь? Чѣмъ живешь? Какъ несешь мое имя среди народовъ всего міра?» Вотъ именно въ свѣтѣ этой отвѣтственности за наше общее призваніе, проблема отцовъ и дѣтей пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Каково же фактическое положеніе въ эмиграціи въ области отношенія отцовъ и дѣтей? Что здѣсь происходитъ? Существуетъ ли гармонія, необходимая для выявленія высшихъ вѣчныхъ цѣнностей русскаго духа и русской культуры.

Возьмемъ самую глубокую сторону нашей жизни, именно религіозную. Можно сказать, что старшее поколѣніе, т. е. отцы, живутъ религіозной жизнью; она проявляется, главнымъ образомъ, въ любви и привязанности къ церковному богослуженію. Какъ же настроены дѣти, молодые люди и дѣвушки? Очень и очень немногіе изъ нихъ привязаны къ храму. Жизнь храма имъ чужда. Не зная церковно-славянскаго языка, будучи воспитаны по большей части въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ, они очень далеко стоятъ отъ того духовнаго міра, которымъ живутъ стш. Конечно, положеніе не вездѣ одинаковое. Въ православныхъ странахъ (Болгарія, Югославія) молодежь ближе стоитъ къ церковной жизни, но и тамъ не

наблюдается глубокаго проникновенія въ самое существо церковной жизни, а скорѣе существуетъ формально - бытовая связь съ храмомъ и православіемъ. Въ Западной же Европѣ положеніе представляется трагическимъ. Не существуетъ преемственности въ самой основной области личной и общественной жизни. Мы не можемъ явить міру образъ соборнаго церковнаго православнаго общества. Его не существуетъ въ русской эмиграціи. Отцы не могутъ раскрыть дѣтямъ существа своей вѣры, показать ея значеніе, ея роль въ исторіи Россіи, въ созданіи русской культуры. Не могутъ сдѣлать этого по двумъ причинамъ: отчасти въ силу ненормальныхъ условій семейной жизни, при которыхъ родители почти не имѣютъ возможности спокойно общаться съ дѣтьми, имѣть поводы и время для задушевныхъ собесѣдованій; отчасти же въ силу того, что мы сами часто не знаемъ православія, что мы сами въ большинствѣ случаевъ живемъ только его бытовой и эстетической стороной. Дѣти не овладѣваютъ религіознымъ наслѣдіемъ своихъ отцовъ. Вслѣдствіе этого, они теряютъ самыя основныя свойства души русскаго человѣка.

Воспитаніе въ иностранныхъ колледжахъ и школахъ еще больше углубляетъ этотъ духовный разрывъ. Можно сказать, что задача сохраненія духовной связи между родителями и дѣтьми, столь трудная въ нормальныхъ условіяхъ школьной жизни, становится исключительно сложной въ условіяхъ эмигрантскаго существованія.

Перейдемъ въ область національнаго сознанія. И въ этой области старшее поколѣніе, думается, не нашло путей сохраненія единства съ подростающимъ поколѣніемъ. Эмигрантская молодежь мало знаетъ о Россіи, не чувствуетъ и не воспринимаетъ наиболѣе глубокихъ сторонъ русской культуры. Часто она слышитъ рассказы отцовъ о Бѣломъ движеніи, по-

что исключительно въ видѣ отдѣльных эпизодовъ гражданской войны. Способно ли это одно оформить національное самочувствіе молодежи? Имѣеть ли для нихъ слово Россія, русскій народъ, русская культура то чарующее, мистическое значеніе, которымъ жива и крѣпка душа эмигранта-отца? Не является ли старшее поколѣніе жутко одинокимъ въ своемъ національномъ самосознаніи? Можно ли считать, что тѣ движенія среди молодежи, которымъ присущъ въ томъ или другомъ видѣ опредѣленно выраженный національный моментъ, являются прямымъ продолженіемъ дѣла отцовъ? Повидимому, русскіе люди все больше и больше сбиваются на линію чисто житейской приспособляемости, отказываясь отъ болѣе высокихъ заданій, лежащихъ на эмиграціи. Очень часто приходится видѣть, какъ вся сила любви къ дѣтямъ и надежды на нихъ исчерпываются формулой: «Слава Богу, мои дѣти будутъ устроены въ жизни». Борьба за существованіе — ужасная вещь. Но если мы ждемъ отъ русскаго народа, чтобы онъ устоялъ въ эпоху страшныхъ испытаній и сохранилъ въ своей душѣ святости вѣры и нравственнаго сознанія, то то же самое мы должны требовать отъ самихъ себя, цѣликомъ принимая задачу религіозно-національнаго воспитанія подрастающаго поколѣнія. Недостойно для насъ снижаться до примитивнаго отношенія къ жизни: «Лишь бы какъ-нибудь прожить намъ самимъ и дать возможность дѣтямъ зацѣпиться за жизнь».

Въ области нравственнаго сознанія тоже не существуетъ гармоніи. Современныя условія жизни больше чѣмъ когда-либо способствуютъ самостоятельности и независимости молодежи въ сужденіяхъ о томъ, что нравственно и безнравственно и какъ надо поступать въ различныхъ случаяхъ жизни. Думаю, что молодежь, взятая въ массѣ, довольно скептически относится къ нравственнымъ убѣжденіямъ

отцовъ. Очень часто молодежь склонна упрекать старшихъ въ лицемеріи: «говорите одно а живете совершенно иначе». Надо замѣтить, что авторитетъ церкви и религіи падаетъ въ глазахъ молодежи въ значительной мѣрѣ по причинѣ того, что она не видитъ въ отцахъ, наряду съ привязанностью къ храму и осужденіемъ антирелигіозности большевизма, необходимой нравственной строгости ихъ собственной жизни. Дѣти начинаютъ жить собственной моралью, и часто замѣчанія и возраженія отцовъ звучатъ для нихъ фальшью и надоѣдливымъ морализмомъ.

Если признать сдѣланную мною оцѣнку, хотя бы частично справедливой, неизбежно встанетъ вопросъ: что же дѣлать?

Прежде всего, намъ всѣмъ надо ясно сознать, что ни одинъ изъ существующихъ институтовъ — семья, школа, общественныя организаціи, церковь въ смыслѣ приходскихъ объединеній, — не могутъ дать подрастающему поколѣнію того, что надо. Необходимо проявить какую-то гениальную подвижность духа и свободу въ исканіи новыхъ формъ и факторовъ, которые были бы коррективомъ къ современному состоянію нашей жизни. Нельзя жить старыми представленіями: нельзя думать, что если врачъ, инженеръ, профессоръ и т. д. имѣютъ свою практику, мѣсто, могутъ снять квартиру изъ 3-4 комнатъ съ приличнымъ входомъ, могутъ учить дѣтей въ лицей или колледжѣ, состоятъ въ двухъ-трехъ почтенныхъ комитетахъ и, быть можетъ, въ приходскомъ совѣтѣ, то это все, чего отъ нихъ можетъ требовать званіе порядочнаго русскаго человека. Фактомъ своихъ страданій Россія непрестанно обращаетъ къ намъ вопросъ: «Что новаго нашли вы на свободѣ для русской жизни? Что вы готовитесь принести съ собой русскому народу сами или черезъ вашихъ дѣтей?»

Мнѣ думается, что единственнымъ выходомъ изъ положенія является обращеніе

къ самой молодежи, пробужденіе ея само-
дѣятельности въ области духовно - нрав-
ственного и національнаго самовоспитанія.
На принципъ самодѣятельности молодежи
держится сейчасъ вся коммунистическая
партія въ Россіи. Созданіе такого движенія
среди молодежи не можетъ быть дѣломъ
только отцовъ. Въ равной мѣрѣ оно не мо-
жетъ быть дѣломъ и однихъ дѣтей. Толь-
ко въ совмѣстномъ творческомъ устроеніи
жизни отцы и дѣти могутъ обрѣсти свое
духовное и національное единство. Созда-
ніе въ эмигрантской средѣ дѣйствительно
православнаго общества, обнимающаго
своимъ вліяніемъ семейную и частную
жизнь русскихъ людей, — вотъ заданіе,
которое надо при этомъ ставить. Должно
возникнуть истинное и живое объедине-
ніе русскихъ людей около церкви. Поуче-
нія, укоры, сознаніе своего превосходства,
духовнаго богатства — со стороны от-
цовъ — не помогутъ отцамъ дать моло-
дежи то, что отъ нея ожидаетъ Россія.
Критика старшихъ, своеволие, гордая за-
носчивость, легковѣсный пафосъ заявлен-
ный — со стороны дѣтей — ничуть не
обеспечиваютъ для молодежи возможно-
сти стать истинными сынами великой
страны. Въ совмѣстномъ трудничествѣ
надъ жизнью, въ созданіи новыхъ формъ
общенія лежитъ выходъ изъ критическаго
положенія.

Движеніе стремится пробить брешь въ
оковавшей нашу жизнь рутинѣ отношенія

отцовъ и дѣтей. Идея Движенія — объ-
единить вѣрующую молодежь около цер-
кви для устроенія своей жизни на новыхъ
началахъ, — оказалась вполне жизнен-
ной, такъ какъ нашла горячій откликъ
среди молодежи. Вотъ эту способность
молодежи загораться огнемъ религіозна-
го вдохновенія и надо положить въ осно-
ву созиданія новаго института религіоз-
ной внѣшкольной работы молодежи. Нуж-
но имѣть даръ исторической и духовной
интуиціи для того, чтобы распознать всю
значительность замысла Движенія. От-
цамъ надо задуматься серьезно надъ
тѣмъ, почему молодежь такъ любитъ свои
кружки, что она переживаетъ на съѣз-
дахъ, откуда возвращается перерожден-
ной, почему она стремится въ лѣтніе ла-
гери, какъ она загорается безпредѣльной
любовью къ церкви? Если взрослые люди
не поймутъ этого и не смогутъ съ лю-
бовью войти въ жизнь молодежи, помо-
гая ей въ работѣ надъ своимъ религіоз-
но - національнымъ воспитаніемъ, никог-
да имъ не засыпать того провала, кото-
рый образуется между ними и дѣтьми, и
никогда не выполнить передъ Россіей
своего долга: самимъ достойно пронести
русское имя среди народовъ Европы и
оставить Россіи поколѣніе, сильное ду-
хомъ и способное творить новую жизнь
на развалинахъ большевизма.

А. Никитинъ.

Совѣтскіе школьники

(Окончаніе).

«Въ 15-й школѣ Ленинграда организова-
лась группа», — пишетъ «Революція и
Культура» — школьной интеллигенціи,
«антиобщественная организація», выдви-
гавшая въ своей программѣ требованія от-

каза отъ политической работы, перестрой-
ки общественной работы въ соответствіи
съ этическими и психологическими черта-
ми учащихся» (Р. и К., № 6, 1928 г.). На
этотъ призывъ — утвержденіе того, что